

СТРАТЕГИИ СЕМАНТИЗАЦИИ СЛОВ И ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ИХ ВЫБОР

Статья выполнена в рамках проекта «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование» Минобрнауки России (грант № 16.740.11.0422).

Описываются стратегии семантизации слова рядовыми носителями языка и факторы, детерминирующие их выбор. Семантизация лексического значения слова осуществлялась на основе использования лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: стратегии семантизации лексического значения слова; наивная лингвистика; рядовой носитель языка.

Совершенно очевидно, что за последние 20–30 лет представления лингвистов о языке, о его бытии и способах познания претерпели существенные изменения. В качестве нового объекта исследования в современный период развития лингвистической мысли выдвигают знания/представления говорящего о своем родном языке. Следовательно, помимо лингвистики в ее традиционном понимании существует наивная лингвистика, лингвистика рядового носителя языка [1–5]. Признание права на существование наряду с научным обыденного знания способствовало возрастающему интересу к метаречевой деятельности рядового носителя языка. В отечественной лингвистике богатые традиции обращения к показаниям говорящих сложились в диалектологии при полевом сборе материала. Первые попытки теоретического описания полученного материала диалектологами затрагивали вопросы о границах, степени достоверности знаний говорящих о родном языке его объективному научному описанию. Такие наблюдения над языком обычными говорящими были осуществлены в источниковедческом аспекте, который выделила О.И. Блинова [6] и для которого ею был предложен термин «показания языкового сознания».

В зарубежной лингвистике традиция обращения к говорящим сложилась при изучении особенностей бесписьменных языков Африки и Америки. Еще Хенигсвальд в 1966 г. обратил внимание на то, что думают люди о своем языке, и назвал эту сферу *folk linguistic* (народная лингвистика). Хенигсвальд обосновал положение о том, что «народный взгляд на язык, народные представления о языке составляют часть социолингвистической ситуации и заслуживают самостоятельного изучения» (цит. по: [7. С. 110]).

Современная лингвистика до сих пор не располагает единым, общепринятым термином, описывающим данный феномен. Так, в разные периоды развития языка предлагались различные номинации: «языковые представления» (Бодуэн де Куртенэ), «языковая интуиция» (Н.А. Лукьянова), «оценки речи» (Б.С. Шварцкопф), «бытовая философия языка» (В.Б. Кашкин), «наивная лингвистика» (Г.Г. Слышкин), «метаязыковая рефлексия» (И.Т. Вепрева). Мы в своей работе используем термин *наивная лингвистика*. Использование данного термина отражает нашу концепцию, согласно которой язык слово является объектом рефлексии на уровне обыденного восприятия. Можно сказать, что «слово – это квинтэссенция наивной лингвистики» [8. С. 47]. Если обратиться к этимологии слова «наивный», то можно выделить в значении этого слова семы: «неискушенный», «неопытный» [9]. Акцентируя внимание на ненаучном познании языка, в процессе которого

говорящий выступает как неискушенный пользователь, непрофессионал в области языка, использование данного термина очерчивает границы осмысляемого объекта (рефлексия по отношению к слову, к языку в целом на уровне наивного представления).

В самом общем виде обыденную лингвистику, повседневную философию языка, которая попала в центр пристального внимания ученых лишь к концу XX в., можно охарактеризовать как «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии, о собственных речевых тактиках и т.д.» [5. С. 46]. Объектом рефлексии рядового носителя языка выступают как лексические единицы, такие как слово в единстве его формы и содержания, так и текст. Данное исследование посвящено изучению смысловой стороны слова, так как именно знание о значении слова «составляет необходимое условие владения языком и, в свою очередь, образует ядерную часть области метаязыковых знаний» [5. С. 182]. В соответствии с этим выделяют один из разделов обыденной лингвистики – **обыденную семасиологию**, задача которой сводится к описанию моделей (или типов стратегий) восприятия семантической стороны слова реципиентом.

Под стратегией интерпретации мы вслед за А.Н. Ростовской понимаем «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значений» [10. С. 120]. Данный процесс интерпретации включает несколько этапов: 1) восприятие внешней (звуковой) оболочки слова; 2) соотнесение звукового образа с обозначаемым им понятием; 3) выводимость значения из глубин сознания на поверхностный уровень посредством речевого оформления знания о значении слова.

При толковании реципиент выбирает наиболее удобный, оптимальный, с его точки зрения, способ действия. Говорящий в процессе интерпретации лексического значения слова «осуществляет выбор в пределах трех стандартных моделей, определяемых трехаспектной сущностью языка (связь слово – обозначаемая действительность; слово – другие слова; слово – функционирование)» [10. С. 120].

А.Н. Ростова выделяет четыре типа языковых стратегий – *идентифицирующий, иллюстрирующий, классифицирующий* типы и, противоположный предыдущим, *ассоциативный* тип [5. С. 187]. Данное противопоставление связано с различным типом отношений между компонентами языковых единиц и способом их толкования. Так, трем универсальным стратегиям (идентифицирующей, классифицирующей, иллюстри-

рующей) свойствен тип отношений, который предопределен устройством самого языка, а ассоциативной стратегии осознания семантики слова соответствует тип, в центре которого порождаемые метаязыковым сознанием ассоциации. Если первые три модели ориентированы на отражение в языке неких стандартов, типовых ситуаций, известных большинству говорящих, то ассоциативная стратегия обращена к личностному видению мира: сквозь призму субъективных представлений «рождается» новое понимание описываемого явления, предмета.

Следует подчеркнуть, что способность и predisposition к рефлексии над языком у говорящих неодинакова, различны также области языковых предпочтений и стратегии осмысления языковых явлений. Это обусловлено, с одной стороны, типом лексической единицы, с другой – типом языковой личности (преобладание рационального типа мышления или ассоциативного, наглядно-образного).

В настоящей статье исследование феномена обыденной семантизации слов предполагает обсуждение следующих вопросов: 1) какие факторы детерминируют выбор языковой стратегии; 2) какая из стратегий является наиболее универсальной, типичной для говорящих на родном языке; 3) какие факторы влияют на вариативность семантизирующего результата.

В данном исследовании выдвигается следующая гипотеза, подлежащая экспериментальной проверке: семантизация слова носит вариативный характер, обусловленный, с одной стороны, типом лексического значения, с другой – типом предпочитаемой стратегии толкования, индивидуальным речевым опытом говорящего. Для проверки данной гипотезы мы используем метод психолinguистического эксперимента, цель которого – описать процесс семантизации слова и выявить наиболее типичные, предпочитаемые говорящими стратегии осмысления его значения.

В эксперименте участвовали 50 студентов Кемеровского государственного университета в возрасте от 18 до 22 лет. Анализу были подвергнуты 60 слов русского языка, относящихся к денотативной лексике. Реципиентам предлагалось заполнить анкеты со следующим заданием: дать толкование именам существительным с конкретным значением. Языковой материал эксперимента включал два тематических класса: «Натурфакты» (*полюнь, потоп, ворона*) и «Артефакты» (*церковь, стол, смокинг*).

Факты осознания семантики слова рядовыми носителями языка свидетельствуют о выборе определенной стратегии толкования значений – «апелляции к «миру вещей» (идентифицирующий тип толкования), к «миру слов» (классифицирующий тип толкования), к «миру функциональных ситуаций» (иллюстрирующий тип толкования) и к «личностному ассоциативному миру» (ассоциативный тип толкования) [5. С. 187].

Эксперимент показал, что доминирующей стратегией осознания семантики слова является идентифицирующая стратегия (78,4%). Менее продуктивными являются иллюстрирующая стратегия (9,1%), классифицирующая стратегия (7,9%), ассоциативная стратегия (4,6%).

Идентифицирующая стратегия основана на осознании логико-понятийных отношений слова, на выделе-

лении механизмов воссоздания прототипических ситуаций, лексикализированных в слове. Прототипические ситуации – «ситуации, которые воспринимаются носителями данной культуры как самые общераспространенные и заметные» [11. С. 337]. Прототипическая ситуация – «это обобщенная модель фактов, событий, процессов реального мира, связанных в обыденном человеческом сознании с пространственно-временным положением, системой взаимоотношений именуемого языковым знаком объекта, явления, признака, действия и т.д.» [10. С. 121–122]. Прототипическая ситуация выражает стереотипные знания большинства носителей языка, толкование такого рода основывается на выявлении общих, типичных признаков, отраженных в значении слова.

Так, имена **натурфакты** являются именами идентифицирующего типа, их семантика имеет гетерогенный характер, т.е. содержит довольно широкий спектр смыслов, каждый из которых репрезентирует отдельный признак денотата [4, 12]. Результаты эксперимента фиксируют преобладание из множества аспектов описания семантики слова такие, которые характеризуют натурфакт прежде всего онтологически. Отраженные в слове природные явления, наименования обитателей природного мира объясняются через указания на условия и способ возникновения, последствия, нередко связанные со степенью благоприятствования для человека, среды обитания, применение натурфакта в практической жизнедеятельности человека. При идентифицирующем типе толкования воспроизводятся образы и представления, отражающие «чувственный опыт человека; действительность репрезентирована субъекту через призму чувственной модели мира (перцептивный образ)» [5. С. 123].

В данном тематическом классе можно выделить различные группы денотатов: «Животный мир» (*слон, осел, хамелеон*), «Растительный мир» (*дерево, полюнь, роза*), «Явления природы» (*метель, потоп, ураган*).

В обыденных семантизациях референтной зоны «Животный мир» преобладает характеристика внешних признаков (цвет, возраст, размер), указание на среду обитания и образ жизни. Наиболее актуальными из внешних признаков оказываются размер, величина, среда обитания. Толкования названий животных часто содержат прагматическую информацию.

Размер, величина: *Мышь – маленькое животное; мелкий грызун (44%). Мотылек – маленькая бабочка (36%). Корова – крупнорогатый скот (48%). Слоны – огромное животное с хоботом; большое животное с хоботом, с большими ушами, клыками (бивнями); крупное животное; самое большое животное, имеющее огромные уши и хобот (57%).*

Среда обитания и образ жизни: *Слоны – место обитания – Африка, Индия (17%); Мышь – живет за печкой; обитает преимущественно в домах (11%).*

Прагматическая информация: *Лошадь – на ней ездят в деревнях и селах; домашнее животное, используемое в сельскохозяйственных работах в качестве рабочей силы (30%). Корова – животное, дающее молоко (46%). Собака – животное, охраняющее дом (22%). Мышь – представитель семейства грызунов, вредитель; маленькое животное, обычно вредитель,*

вызывает страх; животное, приносящее вред; грызет все овощи (14%).

Составляющими прагматической информации, с одной стороны, являются утилитарные признаки, т.е. характер использования человеком, а с другой – к типизированным, наиболее часто выделяемым признакам (75% ответов) реципиенты относят разграничение по типу животного: домашнее или дикое (хищное): Кошка – домашнее животное. Собака – домашнее животное, охраняющее дом. Лошадь – домашнее животное для верховой езды. Лев – хищное животное кошачьих; дикое животное с гривой.

В денотативной группе «Растительный мир» отмечаются внешние особенности (обычно форма, цвет, величина), место произрастания, запах, связь растения с жизнедеятельностью человека: место произрастания: Подорожник – растение, растущее по дорогам (36%); способ произрастания: Подорожник – растет низко к земле (4%); цвет: Ромашка – растение с желтой серединкой и белыми лепестками вокруг; белый цветок (48%); связь растения с жизнедеятельностью человека: Подорожник – прикладывается к ранам, лекарственное растение (46%). Крапива – народная медицина (20%).

Менее продуктивными оказываются признаки, связанные с народными мифологическими (порой религиозными) представлениями о силе и свойствах растений: мифологические свойства: Полынь – защита от нечистых сил (4%). Ромашка – можно гадать (14%). Осина – дерево Иуды; действенное средство против нечисти (8%).

Отраженные в слове явления природы (референтная область «Явления природы») толкуются через указание на условия и способ возникновения: условия и способ возникновения: Лед – вода в твердом состоянии (37%); Снег – замерзшая вода, падающая с неба (25%); Радуга – явление, появляющееся после дождя (49%).

Толкование **слов-артефактов** основывается на следующих прототипических признаках: функциональная предназначенность толкуемого объекта (утилитарность), эстетичность, прагматичность.

К наиболее типичным признакам, на основе которых осуществляется семантизация слов-артефактов, мы относим: утилитарность (предназначенность для выполнения определенной функции; способ изготовления), эстетичность (как правило, выявляется при семантизации наименований одежды). К менее частотным признакам относится композитарность (наличие сложной структуры, состоящей из нескольких компонентов).

Утилитарность: Топор – орудие труда для рубки чего-либо; предмет для колки дров; орудие, предназначенное для обрубания веток на деревьях (80%). Лопата – предмет, которым копают землю (84%). Кровать – предмет мебели, предназначенный для отдыха; предназначенный для сна (62%). Стайка – строение для содержания животных (31%). Курятник – хозяйственная постройка, где держат и разводят кур (36%). Печь – предмет быта, выполняющий функцию обогревателя (58%). Свечка – предмет, изготовленный из воска, применяемый для освещения (30%).

Как правило, при толковании слов-артефактов происходит нейтрализация предметного значения и актуализация функционального начала. Функциональность

направлена на представленность предмета в процессуальном или действенном ракурсе.

Эстетичность: Смокинг – строгий изящный деловой костюм для торжественных мероприятий (15%). Юбка – с кружевами, нарядно (12%).

Композитарность: Крест – фигура, состоящая из горизонтальной и вертикальной пересекающихся под прямым углом линий (16%).

Идентифицирующая стратегия – это некая логическая операция абстрагирования (мысленного выделения признаков, свойств) и синтеза (обобщения и выделения существенного смысла, описывающего значение конкретного слова). Результатом идентифицирующей стратегии осознания семантики слова «является описание отражаемого словом предмета или шире – ситуации» [10. С. 161].

Классифицирующая стратегия осознания семантики слова «основана на осознании связей “слово – слово” и в значительной степени задана характером парадигматических отношений, сложившихся в языке» [10. С. 135]. В языковом плане данные отношения представлены явлениями полисемии, омонимии, синонимии. Классифицирующая стратегия направлена на установление говорящими смыслового тождества лексических единиц. Как правило, «...в центре таких толкований находятся отношения “имя-имя”. Механизм подобного типа интерпретаций базируется на представлении о том, что А и Б – одно и то же» [13. С. 182].

В анализируемом материале представлены явления синонимии и гипо-, гиперонимии.

Синонимия в семантизирующих суждениях говорящих: Ишак – осел (7%). Ураган – буря (17%). Баян – гармонь (26%).

Также представлены родо-видовые отношения: Гармонь – музыкальный инструмент (17%). Хлеб – продукт питания (19%).

Результаты эксперимента показывают, что классифицирующая стратегия (7,9%) оказывается менее продуктивной, чем идентифицирующая. Данное предположение объясняется несколькими факторами: во-первых, отмечено стремление к точному, логически выстроенному дефинированию обозначаемого словом понятия (возможно, это обусловлено высоким образовательным уровнем информантов, а также письменной формой фиксации результатов эксперимента); во-вторых, синонимический способ определения слова, как правило, используется в случае установления неких системных связей между словами.

При **иллюстрирующей стратегии** (9,1%) толкования предметом рефлексии выступает «типичная ситуация употребления слова, выводимая из собственного речевого опыта» [10. С. 159]. В обыденной семантизации слова закрепляются за определенными жизненными ситуациями. Гололедица – когда скользко (25%). Сосулька – весной образования на крышах из замерзшей воды, которая капает с крыши (26%). Метель – когда сильный ветер (23%). Нередко объект толкования подвергается оценке со стороны субъекта интерпретации: Хлеб – мягкий и приятный на вкус (8%).

Наряду с денотативно ориентированными толкованиями существует «особый тип отношений между субъектом и объектом интерпретации, на характер по-

явления и развертывания которых оказывает влияние тип мышления, специфика ассоциирования, жизненный опыт говорящего» [5. С. 199]. Данный тип отношений обозначается как **ассоциативная стратегия** толкования лексического значения слова; эта стратегия противопоставлена трем вышеописанным по некоторым основаниям. Во-первых, в отличие от идентифицирующего, классифицирующего и иллюстрирующего типов стратегий, которые направлены на отражение в слове неких типичных, универсальных признаков, ассоциативная стратегия направлена к личностному миру говорящих, что вызывает порождение метаязыковым сознанием ассоциаций различного характера. Во-вторых, использование первых трех стратегий осознания семантики слова обуславливает обращение к стандартизированным моделям интерпретации лексического значения, при ассоциативной стратегии реципиенты обращаются к нестандартным, индивидуальным, личностным моделям мыслительного действия.

Традиционно ученые-лингвисты выделяют два типа ассоциаций: **по сходству** (позже у Ф. де Соссюра получили название «ассоциативные отношения», а в современной лингвистике – «парадигматические отношения») и **по смежности** (у Соссюра и в современной терминологии – «синтагматические отношения»). Так, ассоциация **по сходству** предполагает уподобление одного предмета другому на основе *сходства* (метафора). Ассоциации **по смежности** базируются на переносе названия с одного предмета на другой на основе *смежности*, т.е. пространственно-временной соположенности (метонимия).

Среди реципиентов, принявших участие в эксперименте, можно условно выделить небольшую группу

говорящих, проявляющих склонность к ассоциативной стратегии толкования (4,6%) лексического значения слова, что обусловлено в первую очередь преобладающим типом наглядно-образного или ассоциативного мышления.

Ассоциации в семантизирующих суждениях говорящих:

– ассоциации **по сходству**: *Дождь – слезы с неба (2%)*. *Снег – летящий с неба узор (2%)*;

– ассоциации **по смежности**: *Крест – святость, свет (14%)*. *Свечка – вера, истина (5%)*.

Итак, обыденная семантизация слов представляет собой вид мыслительной деятельности, направленной на язык, результатом которой является полученное знание, вербализованное средствами языка.

Говорящий в процессе толкования слова применяет одну из существующих стратегий семантизации. Выбор семантизирующей стратегии, с одной стороны, обусловлен типом лексического значения слова, его референтной сферой, а с другой – типом мыслительного действия, соответствующего индивидуальным особенностям личности.

Вместе с тем ответы реципиентов представляют как случаи разных способов толкования одного и того же слова, так и случаи совпадений способов толкования разными говорящими. Общность выбора и доминирование определенной стратегии обусловлены единым механизмом мыслительных процессов, единством психических функций (восприятия языкового знака), свойственных данному языковому коллективу. При этом данный мыслительный механизм предоставляет говорящему выбор языковой стратегии осмысления значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вепрева И.Т. О некоторых особенностях наивной лексикографии // Русский язык сегодня: проблемы русской лексикографии. М., 2004. Вып. 3. С. 55–64.
2. Дебрень М. Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике // Новосибирский государственный университет. Сер. «Филологический сборник». Кемерово, 2006. Вып. 8, ч. 1. С. 3–4.
3. Кашкин В.Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 41–61.
4. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.
5. Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 49–57.
6. Блинова О.И. Носители диалекта – о своем диалекте (Об одном из источников лексикологического исследования) // Сибирские русские говоры. Томск, 1984. С. 3–15.
7. Брайт У. Параметры социолингвистики // Зарубежная лингвистика. М., 1999. С. 107–114.
8. Кашкин В.Б. Научные теории и бытовые представления о языке: история и перспективы исследования // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 30–41.
9. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
10. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.
11. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 896 с.
13. Ростова А.Н., Кузнецова Т.Ю. Диалектика «общего» и «индивидуального» в обыденных толкованиях лексического значения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. Вып. 2 (34). С. 180–182.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 октября 2010 г.